

Владимир Ефремов

**Эдельвейсы
для Любаши**

**Коричневый
туман
над Днестром**

Владимир Ефремов

**Эдельвейсы для Любаши.
Коричневый туман над
Днестром (сборник)**

«Атанор»

2017

Ефремов В. Н.

Эдельвейсы для Любаши. Коричневый туман над Днестром
(сборник) / В. Н. Ефремов — «Атанор», 2017

ISBN 978-5-9909935-7-0

Современное и зарубежное книгоиздание ещё с 1980-х годов стало пополняться таким типом литературы, как «Oral history», то есть «устные истории». Это тип мемуаров, которые редактированы минимально и нацелены передать речь автора и его тип мышления в абсолютно первичной коммуникативной манере. Мемуары Владимира Николаевича Ефремова содержат своих героев и антигероев, чёткую географическую и хронологическую привязку, при этом они совсем не домыслены художественно – они фотографически контрастны. Читателю же предлагается взглянуть на описываемые события не только с точки зрения оценочной, но и как возможность услышать непростое время с разных ракурсов, с работой для своей души – помнить и чувствовать время. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-9909935-7-0

© Ефремов В. Н., 2017

© Атанор, 2017

Содержание

Об авторе	7
Я простым вам скажу языком...	9
В чём сила, брат?	11
О селе родном...	11
Коза Маша	13
Поющие человечки	15
Жук	16
Обида	17
Тимош	18
Прощайте, сандалии	19
Я помню вас!	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Ефремов

Эдельвейсы для Любаши.

Коричневый туман над Днестром

В оформлении книги использованы фотографии автора.

© Ефремов В. Н., 2017

© Дизайн обложки. Ефремов В. Н., 2017

* * *

Владимир Николаевич Ефремов

Об авторе

В начале девяностых годов прошлого столетия к власти в Молдове пришли ярые националисты и для жителей Приднестровья настали трудные времена. Пришел час выбора – либо отречься от своего рода, своих корней, своего родного языка и стать людьми второго сорта, либо сказать решительное «Нет!» самопровозглашенным «господам», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Владимиру Николаевичу Ефремову с самого начала было все ясно и понятно, поэтому он как истинный патриот своей Родины выбор сделал сразу, без малейших сомнений и колебаний. И вскоре оказался в самой гуще событий. Вместе с другими дубоссарцами в ноябре 1990 года он отражал яростные попытки вооруженного до зубов карательного отряда Молдовы проникнуть в наш город: сначала у полтавского моста, затем в микрорайоне Большой фонтан. А затем, в течение нескольких недель, вместе со своими соратниками он охранял город от возможного вторжения непрошенных гостей с правого берега Днестра.

В.Н. Ефремов одним из первых вступил в территориально-спасательный отряд (ТСО) и был начальником отдела разведки. Бойцы данного формирования охраняли предприятия жизнеобеспечения и общественный порядок в городе. Полиции к тому времени перестали осуществлять свои функциональные обязанности и не только мешали им в работе, но и всячески их шантажировали, угрожая физической расправой. Однако, несмотря на всякого рода трудности и препятствия, бойцы отряда успешно выполняли возложенные на них обязанности. А Владимир Николаевич как разведчик и как человек, хорошо знающий молдавский язык, часто присутствовал на собраниях местных народнофронтовцев, добывая ценные сведения для своего отряда. Здесь, естественно, не обходилось и без конфликтных ситуаций. Ведь пламенного патриота Приднестровья знали в лицо многие народнофронтовцы и полицаи, присутствовавшие на таких сборищах. Приходилось употреблять и маскировку.

Выполнял Владимир Николаевич и другие поручения. Скупые строчки характеристики гласят: «В.Н. Ефремов образцово выполнял поручения командования ТСО, принимал участие во многих боевых операциях по защите Приднестровской Республики. 13 декабря 1991 года, в самом начале надвигающихся событий, он и боец ТСО М.Б. Кравец одними из первых прибыли на место вероломного нападения полицаев Молдовы на пост защитников Приднестровья. Несмотря на угрозы полицаев Молдовы, под прицелами их автоматов они вынесли и погрузили в автобус тела рыбницких гвардейцев В.В. Щербатого, А.Н. Патергина и смертельно раненного Ю.И. Цуркана и вывезли их в ЦРБ.

В ночь на первое марта 1992 года В.Н. Ефремов, по поручению руководства города, зачитал в мегафон перед зданием полиции на русском и молдавском языках условия сдачи полицейских Молдовы. На протяжении всего периода боевых действий лейтенант В.Н. Ефремов был начальником разведки ТСО. Знание молдавского языка позволило ему организовать сбор информации из Молдовы. Данные разведки несли в себе ценные сведения и учитывались при разработке операций в штабе обороны города. В середине марта 1992 года В.Н. Ефремов спланировал и вместе с группой бойцов ТСО провел плотный обстрел здания, в котором располагался войсковой штаб противника. Националисты понесли значительные потери. 21 апреля по заданию командира он выехал по густо обстреливаемой противником со стороны Кочиев дороге в укрепленный район ДСО, вывез оттуда и вовремя доставил в ЦРБ тяжелораненого, истекающего кровью бойца Н.С. Вендичанского. 20 июня 1992 года В.Н. Ефремов прикрыл автоматным огнем получившего тяжелое ранение руки П.С. Мокряка, оказал ему помощь и доставил теряющего сознание товарища в медпункт. От начала и до конца боевых действий он с оружием в руках защищал молодую республику. Вместе с другими бойцами ему часто прихо-

дилось отражать атаки ОПОНовцев, которые упорно стремились прорвать оборону и ворваться в город».

По словам участников обороны, Владимир Николаевич не прятался за спины других, показывал образцы храбрости и мужества, проявлял инициативу в сложных ситуациях. В перерывах между боями занимался воспитанием личного состава, делился боевым опытом с вновь прибывшими. Он один из немногих защитников, удостоенных медали «За боевые заслуги». Отмечен и другими правительственными наградами: медалью «Защитнику Приднестровья», двумя орденами «Казачья Слава», казачьим крестом «За оборону Приднестровья», медалью «Атаман Платов»

Его, как и некоторых других активных защитников ПМР, враги пытались опорочить, не гнушаясь при этом никакими средствами. Но из всех испытаний он вышел с честью и достоинством.

Многое он сделал и в послевоенное время для развития и становления казачества. По его инициативе был возрожден курень в селе Дубово, где он был атаманом. Избирался он также атаманом станицы Центральная Дубоссарского казачьего округа.

В настоящее время Владимир Николаевич находится на пенсии по инвалидности (сказалось ранение). Но несмотря на проблемы со здоровьем, принимает активное участие в общественной жизни города и района. Почтенный возраст не мешает ему руководить казаками станицы имени погибшего казака В. Ренгилевич, которые единогласно избирают его своим атаманом. Проводит большую работу по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, чтобы люди знали правду о прошедших событиях. Чтобы вечно жила в наших сердцах и душах память о героях, павшим в борьбе с жестоким коварным врагом.

И.И. ЗДОРОВЕЦ.

Я простым вам скажу языком...

Современное и зарубежное книгоиздание ещё с 1980-х годов стало пополняться таким, ранее узкоспециализированным, типом литературы, как «Oral history», то есть «устные истории». Это такой тип мемуаров, как правило, которые редактированы минимально и нацелены передать речь автора и его тип мышления, мировосприятия в абсолютно первичной коммуникативной манере. Конечно, авторизация героев в таких повествованиях не отменялась, а потому складывался феномен матрешечной «культуры речи внутри другой культуры речи». Тут есть интерес и филологов, и психологов, и коммуникаторов (т. е. тех, кто в социальной психологии изучает типы связей), но для историков – это всегда интересно. Это было интересно ещё тогда, когда делались попытки разобраться – почему античные герои разных мест Средиземноморья так по-разному разговаривают с одними и теми же богами, так по-разному ценят, например, выход жен на берег моря при встрече мужей, и так по-разному читают знак – пойманную одинокую рыбу.

Мемуарный материал Владимира Николаевича Ефремова интересен во всех этих ипостасях – и своим языком, и как специфическая форма реакций на положение вещей, на социальные взаимоотношения периода ломки «социалистического типа» при формировании национальных и субнациональных сообществ периода перестройки и распада СССР. Интересен и оценочный ряд, на который не скупится сам автор, поскольку этот оценочный ряд передает дух, максимально близкий к пониманию этической нормы «честного человека» 1950–90-х годов.

Как любая книга (и уж материал, достойный изучения), его мемуары содержат своих героев и антигероев, чёткую географическую и хронологическую привязку, при этом они совсем не домислены художественно – они фотографически контрастны.

Все мемуарщики страдают одним и тем же, и фактически все они признают такое явление, как аберрация сознания. Это смещение явлений в сознании, накладки сознания, разрывы сознания и т. п. Это явление объективное. Материал В.Н. Ефремова ценен тем, что в нём этих аберраций не прослеживается. Возможно, специалисты и найдут что-либо, но для мемуарной литературы – явление это обычное. Стоит напомнить, что, например, в мемуарах Г.К. Жукова таких поправок специалистами вносилось более 400 и, кажется, и сегодня не могут определиться – что было точнее – восприятие самого Георгия Константиновича или объективная «фотография» ситуации?

В книге В.Н. Ефремова я насчитал более 80 имен, десятки адресов, но самое, пожалуй, ценное – тип взаимоотношений периода этического и морального кризиса (политический кризис – это уже проблема не этой литературы). Тип взаимоотношений между чиновниками, между милицией и народом, между экологическими фигурами, между представителями разных национальностей. Чрезвычайно интересными показались мне и галерея портретов в тюрьмах, как, впрочем, и мотивация действий руководителей силовых структур того времени.

В марте (или в июне?) 2017 года Приднестровская Молдавская республика будет отмечать 25-летие военного конфликта. Плакатный тип воспоминаний, лоск парадов и наград – всё это будет обязательно и это, конечно, хорошо, но... исторически бессмысленно! Это исторически бессмысленно без понимания генезиса личности во время кризиса, без «окопной правды», без документальных следов на грунте народной жизни.

Я рекомендую для издания книжным издательствам материал Владимира Николаевича Ефремова как живое свидетельство, как культурный вклад в историческую память народа Приднестровья. Через 20 лет он будет прочитан уже совсем другими глазами, через 100 – ещё более непредсказуемы оценки его. Но совершенно очевидно – лучше, когда материал и оценки есть, а не тогда, когда память «заасфальтирована» одним официозом.

Читателю же предлагаю взглянуть на описываемые события не только с точки зрения оценочной, но и как возможность услышать непростое время с разных ракурсов, с работой для своей души – помнить и чувствовать время.

*С уважением – Григорий СПИЧАК,
член Союза писателей России*

В чём сила, брат?

О селе родном...

Мама говорила, что я и мой брат Костя родились на Украине, в Одесской области, в с. Степановка. После освобождения с. Чобручи от фашистов она привезла нас к своим родителям, нашим дедушке Александру и бабушке Наталке. Они жили на русской части села, хотя говорить «русская часть» можно с большой натяжкой (русских тогда в этой части села было две-три семьи, да и то смешанные). Жили в основном украинцы и говорили они практически на одесском диалекте (если быть точнее, на суржике).

Дедушка наш был серьёзным и очень добрым человеком, говорили, что он был когда-то священнослужителем, но сам он об этом не любил вспоминать. Бабушка Наталка была весёлая, неунывающая кубанская казачка, всегда подшучивала надо мной и Костей, всегда напевала казачьи песни. Вот к ним и свалилась наша мама с нами двумя, чтобы дожидаться нашего тато с войны, которая была на исходе – дело шло к Победе над фашистами. Всё это я и Костя смутно помним, так как были очень маленькими, чтобы что-то хорошо помнить. Потому и считаем и сейчас село Чобручи своим родным селом, да и свидетельства о рождении на нас оформляли в Слободзейском ЗАГСе.

Тато пришёл с фронта с тяжело раненой рукой и, не долечившись в госпитале, с перевязанной еще рукой, стал работать ездовым в одном из колхозов села. А их (колхозов) было аж четыре или даже пять на одно село. Колхоз Будённого, Ворошилова, Сталина, Ленина, и если не ошибаюсь, Петровского...

Подсобрав денег, тато и мама залезли в долги и купили небольшой саманный, крытый камышом домик на молдавской части села. Вот с начала проживания в этом домике я и стал отчетливо помнить, что происходит в моей жизни.

Наша улица начиналась со стороны Днестра и была напротив пристани паромной переправы, которая давала возможность жителям правого берега прибрежных сёл Бессарабии по воскресениям выезжать на нашу улицу, которая была своеобразным «торговым путём». Дальше пересекали промышленный сад и по полевой дороге они выходили к посёлку Первомайский. И тогда по деревянному мостику через Кучурганский лиман ехали (шли) на Украину и в районе села Кучурганы продавали свои товары на большом для тех времен скотном базаре. А везли туда правобережные жители на каруцах (подводах), запряжённых волами, бочки с вином, овечью брынзу, вели скот, привязанный к каруцам...

Мы, ребяташки, высыпали на улицу посмотреть на бессарабцев. Одеты они были причудливо, как-то не так, как одевались люди в нашем селе: в безрукавках, сшитых из овечьих шкур, у мужчин на головах высокие кучмы, обуты в постолы. Назад торговцы возвращались ближе к вечеру по тому же маршруту. Если торговля была успешной, люди пели, пританцовывали, шутили, смеялись. Но бывало, что, возвращаясь, мужчины были хмурыми, женщины плакали. Наши жители почему-то шёпотом говорили, что на бессарабцев устроили на обратном пути засаду одесские бандиты и ограбили...

Жителей в селе проживало около пяти с лишним тысяч. Колхозы объединились, и был создан один расширенный колхоз имени Ленина, который, в свою очередь, состоял из нескольких бригад. Первый председатель объединённого колхоза Василатий Иван Демьянович был талантливым руководителем, и в короткий срок колхоз стал одним из лучших в Молдавии и славился на весь Советский Союз своими достижениями.

Село не было обделено умными, талантливыми людьми. Передовой бригадой, которая находилась на острове между Днестром и протокой Днестра Турунчуком, руководил Фома

Ильич Талпа. Капитаном парома, перевозившем рабочих на работу и обратно, был дядя Семён Янковский, потерявший ногу в боях с фашистами. Тяжело приходилось в то время инвалидам войны, но они стойко работали на равных со всеми, не требуя послаблений.

Звеньевыми были Василий Никифорович Пержан, Николай Филиппович Ефремов (отец автора). Первый тракторист села был Курбан К.В. Это его трактор и по сей день стоит памятником в Родинском парке...

На наших глазах началось строительство здания дома культуры. После завершения возведения этого уникального и красивейшего очага культуры его первым директором стал активный руководитель нескольких художественных кружков, в том числе и прекрасного духового оркестра, Васьяков Фёдор Митрофанович.

Обойти вниманием и то, что в селе было много фронтовиков, прошедших горнило второй мировой войны, нельзя. Вернувшись в родное село, они пахали, сеяли, отстраивали разрушенное войной. Это дядя Тодри Цуркан, дядя Семён Мазур, дядя Петя Вахницкий, учитель географии и истории Иван Иванович Яковлев, Маслов Андрей Саввич – инвалид войны, библиотекарь русской школы № 3 и многие, многие другие.

Более четырёхсот сельчан положили свои жизни на полях сражений с хитрым, жестоким, коварным врагом всего человечества – фашизмом. Всегда с трепетным волнением приезжаем из отведённых нам Богом и судьбой мест проживания в родное село. Кладём венки и цветы на могилы родителей. Кладбище сильно расширилось и буйно заросло амброзией. Вот недалеко от могилы тато лежит под памятником в полном составе семья Ивана Ивановича Яковлева (вместе с женой тетей Аней и сыном Борисом – одноклассником автора) – учителя и фронтовика. На этом же кладбище недалеко от своего учителя уже лежат и его ученики Николай Федоренко, Люда Кушнир. Грустно, но таковы реалии. Но не всё так мрачно, радуется всё новое. Глинобитные дома, крытые камышовыми крышами, уже редкость, вместо них жители построили красивые уютные дома. Родинский парк, стадион, спортзал, магазины, памятник Ленину, многие предприятия, построенные дороги, церковь.

Ну а что колхоз имени Ленина? Разорвали его дети перестройки на паи и в конце года довольствуются крохами от милости тех, кто прибрал к своим загребушим рукам землю народа. Может, люди опять когда-нибудь объединятся?

Жизнь ведь не стоит на месте...

Коза Маша

Детство... У всех оно разное. У одних оно ассоциируется с воспоминаниями о пребывании в летних лагерях Крыма, с купанием в море, с уговорами родителей съесть что-нибудь. В нашей семье, как, впрочем, и в миллионах других, вернувшихся с войны фронтовиков (раненых с истерзанными душами и телами) есть причины вспоминать свое детство менее восторженно.

Постоянное ощущение голода и бурчание в животе направляло мысли думать о еде. И только когда удавалось хоть чем-то поживиться, мы пяти-шестилетние карапузы, играли, как и все дети того страшного послевоенного времени, в войну, выискивали оставшиеся от боев патроны, а если «повезёт», то и снаряд находили. Все найденное мы бросали в костер и с замираньем сердца ждали, когда «бабахнет».

Многих маленьких искателей такого рода приключений можно было увидеть без ноги на маленьких костыликах, без глаза... Мне и моему старшему на два года брату Косте, повезло – мы остались целыми. Отец с мамой увидев, что мы болтаемся без дела, решили пристроить нас хоть каким-то занятием. Заняв по тем временам уйму денег, купили козу.

Польза очевидна: мы при деле, пасем козу, и молочко – хоть не коровье, но все же кое-что в наш скудный рацион питания. Козу, как водится, назвали Машей. Пасли мы ее на берегу Днестра: в других местах власти не разрешали. Кругом колхозные поля гороха, капусты, моркови. Маша удивлялась, почему ее ведут на Днестр, где росли только колючки, когда кругом такое изобилие?

Но бдительный конвой с одной стороны и с другой стороны не позволяли бедной Маше даже голову повернуть в сторону выше упомянутых лакомств. За поправу власти строго выискивали. Мы, чтобы Маша не соблазнялась, почти бегом проскакивали эти места изобилия. И вот он Днестр. Тогда он нам казался огромным, широким, стремительным и таинственным.

Впереди целый день купания и ловли раков. Горячее солнце спускало с нас за лето по несколько шкур. Наши ноги были покрыты устойчивым слоем цыпок, а так как с обувью они практически не были знакомы, то подошвы ног были как панцирь у черепахи. Из одежды на нас были только сатиновые трусики. Я не помню другой одежды на нас, если трусики можно было назвать одеждой.

В них мы выходили из дома ранней весной и только поздней осенью меня и брата загоняли в дом. Всю зиму коротали в доме тоже босиком. Мама на земляной пол стелила солому и так было до весны.

Однако вернемся к нашей козе, солнцу, Днестру. Купаться нам было строго запрещено, дабы чада не утонули, но, само собой, кто же выдержит у воды и не искупнется?

Жара. Поныряв у берега, мы выжали воду из трусов, повесили их сушить на кустах, чтобы родители не догадались, что мы нарушили запрет. Придя домой, на вопрос: купались? – нет! – в один голос отвечали я и Костя. Тогда мама приступала к досмотру нашей одежды, то бишь, трусиков и, обнаружив в складках, где вдеается резинка, влагу, давала нам подзатыльников.

На другой день, дабы не повторить ошибки прошлого, мы, сняв трусики, закопали их в песок, воткнули выломанную из куста ветку. Наша коза мирно паслась неподалёку и нам казалось, что она не видит наши хитрости. Вдосталь поныряв, мы вышли из воды, радуясь, что сегодня обойдется без подзатыльников. К нашему удивлению, ветки на месте захороненных трусиков не оказалось, ее довольно далеко жевала Маша, хитро поглядывая в нашу сторону и, как нам показалось, улыбалась.

Вместо того чтобы искать трусики, мы побежали к Маше отнимать ветку, затем вернулись, но второпях и от волнения не могли определить, где это проклятая ветка была воткнута!

Нас охватила паника. Уже ничего не соображая, мы копали песок, но, увы, тщетно! Так и не найдя ничего, стали совещаться, как быть?! Как пройти домой по улице села голыми?

– Знаешь, что? – предложил Костя, – давай снимем с козы шкуру, обернемся ею и спокойно пойдем домой. Видимо, в Косте проснулся инстинкт наших далеких, только что ставших на ноги предков, одевавшихся в шкуры животных.

– Жалко ее! – заканичил я, – молоко пропадет! От желания есть в животе забурчало.

– И что дома скажем?

– Скажем – волки напали!

– Ну да-а-а, они нас бы съели.

Я живо представил себе, как волки рвут на части козу, затем берутся за нас, чтобы не оставить свидетелей.

– Мне дедушка говорил, что если волки забираются в чей-то сарай, то всех овец перережут, а берут только по одной, а то, если останется кто живой, расскажет всем.

– Ну, да-а, – почесал затылок Костя и стал поглядывать вокруг и за кусты, как будто волки в самом деле стали окружать двух незадачливых пастухов и козу.

Стало темнеть. Мы, так и не придумав ничего, побежали вслед за Машей. Она, видно кое-что поняла и рванула быстрым темпом в сторону села. Догнав Машу, я с радостью понял, что позор мне почти что не грозит.

Будучи еще маленьким то, что не следует выставлять на обозрение, Маша закрывала своей спиной. Костя был на два года старше меня и, соответственно, повыше, ему пришлось идти на полусогнутых ногах, гусиным шагом, как сейчас говорят. Пока дошли до села, почти стемнело, тут назло вышла полная луна, которая освещала наше странное трио: козу и двух голых оболтусов. На лавочках сидели тетушки, освободившиеся от вечерних хлопот и лужгающие семечки. Мне и Косте приходилось то и дело проскакивать с одного бока козы на другой.

От каждой лавочки нам в след неслись реплики: – Боже! Чьи эти голые дети с козой? – Может, их ограбили?

Не выдержав позора, мы погнали козу домой вскачь, уже не таясь. Заскочив в калитку, увидели отца и маму с вопросительными взглядами. Волки! – закричали мы в один голос, и завыли почище воображаемых волков. Вместо порки отцу и маме пришлось нас успокаивать. Мы получили по большому куску хлеба и по кружке молока, и я подумал: «Как хорошо, что мы не сняли шкуру с Маши».

Поющие человечки

Как-то осенью, ближе к концу сентября, отец привез на каруце мешок травы. Причина такого внимания отца к козе была в том, что на нас часто поступали жалобы от сторожей садов и полей. Конечно же, нас интересовали груши, арбузы, но мы отцу не признавались. Говорили, что нас с кем-то путают. Поверил нам отец или нет, не знаю, но на всякий случай оставил нас дома вместе с козой и кормом для нее.

Мы сначала обследовали двор, затем огород, в котором мы, кстати, должны были собрать по десять кустов картошки, заранее выкопанной для нас отцом. Не обнаружив ничего представляющего для нас интерес, решили расширить географию своих исследований. Дело в том, что в дом (в Молдавии), где мы жили, отец и мама привезли нас из Украины, где мы родились. Отсюда у нас и появился интерес к исследованию и прилегающих к нашему дому и огороду границ.

За красиво сплетенным из камыша и папуры забором мы увидели полное изобилие. Там на ухоженных кустах рос спелый, крупный столовый виноград, арбузы и дыни. Дальше я буду писать не «я и Костя» а, наоборот – «Костя и я», чтобы вы не подумали, что мне принадлежит честь всех начинаний и вредных, по мнению взрослых, инициатив. Так вот, Костя и я, если на то пошло, не устояли перед соблазном. Взяв дома кухонный нож (заметьте Костя), вырезал маленькую, как нам казалось, дырочку в камышовом заборе. Опять же Костя пролез в соседний огород и стал срезать в разных местах виноград, чтобы не так заметно было. Затем дело дошло до арбузов и дынь. Все это он передавал мне. Попировав на славу, мы закопали остатки, вернее отходы пиршества: семена, корки арбузов и дынь в лунки выбранного нами картофеля. Пресытившись от запретных плодов сада доброй тетушки Татьяны, было решено на достигнутых исследованиях и результатах не останавливаться.

Изрядно расширили дыру в заборе по причине того, что у нас животы несколько увеличились, и можно было легко застрять. Костя пошел к сарайчику, в котором хранился разный хлам. Среди всего этого добра был старый патефон. Костя сказал мне об этом, и мы решили разобрать патефон, чтобы выпустить оттуда поющих человечков, а то они умрут там от голода, если их не освободить. Взяв отцовские клещи, вместо отвертки нож, мы раскурочили патефон на мелкие части. Так и не обнаружив никого, мы зарыли остатки патефона в кучу старых вещей. Видно, хор имени Пятницкого (так было написано на некоторых пластинках) не стал дожидаться, когда мы их освободим, и каким-то образом покинул патефон.

Вечером с работы пришли усталые родители.

– Ну, как? Дома лучше, чем бегать за козой целый день?

– Да, конечно! Ты, тато, принеси и на завтра мешок травы.

– Ладно, принесу, и как мы до этого раньше не додумались? Все равно, кошу же я лошадям. Он работал в колхозе ездовым.

– А картошку, что я выкопал, собрали?

– Ну да, конечно!

– Молодцы, пожалуй, это первый вечер не за что вас ругать. Пойдемте, я посмотрю пару лунок.

Понятное дело, эта пара лунок оказались теми, в которые мы закопали остатки пиршества. Что было дальше, вы, дорогие читатели, если будет таковые, догадаетесь сами...

Жук

Был конец ноября, но осень не спешила сдаваться зиме. Было довольно-таки тепло для этого времени года. Я гулял по двору, изнывая от безделья. И вдруг, о чудо! На земле валялась деревянная прищепка. Видимо мама обронила, когда собирала белье, которое сушилось на специально для этого натянутой проволоке.

Схватив прищепку, я думал, куда же ее применить. Мой взгляд остановился на нашей собаке, которая выжидательно смотрела на меня. Собаку звали Жук. Сначала я попробовал прищепку у себя на ухе. Ничего, нормально. Затем прицепил на ухо Жука. Конечно он был не в восторге, но стерпел. Сняв с уха собаки прищепку, я попытался ею прищепить нос собаке. Жук это не оценил – он лапами сшиб меня и укусил за лицо.

В окно за моими фокусами наблюдали тато и какой-то пришедший в гости мужчина. Когда Жук укусил меня, они выскочили во двор и оттащили его за цепь от меня. Я орал от испуга и боли: лицо мне Жук успел прищепить изрядно. Помню, что Жука тато не наказал – не за что было...

Обида

Впереди была долгая и скучная зима. В ту пору не было ни света, ни телевизора. Радио было. На стене висела черная, как ее тогда называли, тарелка. Человечков поющих и говорящих мы оттуда вытаскивать не стали: в случае с патефоном отец объяснил нам, где раки зимуют, то бишь, человечки. Черная тарелка говорила и пела, но на наши вопросы: «Который час?» или «Скоро ли мама придет?» не отвечала. И вроде с опаской поглядывала на нас. Тогда мы с этими вопросами обращались прямо к маме, то есть, к ее фотографии в рамке. Но мама только улыбалась.

После того как отец привез целый воз ивовых прутьев, он сдал лошадей и каруцу на конюшню. Зимой в колхозе возить нечего. Теперь наш тато будет всю зиму плести корзины для будущего урожая. Плел в доме на полу в комнате, где коротали на печке зиму Костя и я. За каждую корзину платили по десять рублей, это еще сталинскими. Несмотря на раненую руку, тато плел довольно ловко и быстро. Мы приставали к нему: «Тато, расскажи о войне!»

Он долго отмалчивался, потом рассказал нам, как в первые дни войны с фашистами попал в плен в районе Винницы. Лагерь, где держали советских солдат, был окружен колючей проволокой. Ни еды, ни воды. Кое-что перепадало, что приносили сердобольные женщины. Подобревшие от успехов на фронтах, немцы стали отпускать пленных. В первую очередь, отпустили прибалтов, затем тех, за кого поручались местные жители. Нашлись добрые люди и выручили нашего тато и еще одного его односельчанина.

Решили добираться домой в родное село Чобручи к родителям. До Красных Окон шли днем, немцы не трогали, так как сами отпустили. Дальше пошла зона владений румынских захватчиков. Они с подозрением посматривали на отца и его товарища и спрашивали друг друга, конечно же, по-румынски: «Смотри, Ион! Что это за Вояки? Почему в советской форме?» Остановив отца и его напарника, румыны велели снять форму и сапоги, оставили их в грязном нательном белье и босыми. Домой шли уже только ночами: стыдно было так идти. Рассказывал нам это отец, а у самого иногда катилась по впалой щеке скупая слеза: обидно было. Так до самой смерти не смог наш тато забыть этот случай с ним на войне, так и не простил румынам обиды.

Тимош

Через четыре дома от нашего, на углу улицы, в землянке со своей мамой жил мальчик нашего возраста Тимош. С Тимошей мы обращались в основном только жестами – по-русски он знал только одно слово: «Нету!» На любое обращение к нему на русском языке он разводил руками и отвечал: «Нету!»

Мы с Костей уже могли говорить немного по-молдавски изъяснялись с Тимошей довольно сносно. Справедливости ради надо сказать, что и наш русский больше похож был на диалект одесситов. Оно и понятно: мы родились в Одесской области.

Увидев нас в обновках, Тимош поцокал языком, затем достал какую-то жесь и пригласил нас следовать за ним. Привел он нас к колхозному погребу, который был пустым и почему-то не использовался. Вход был высоким и оштукатурен цементным раствором. Тимош вскарабкался наверх, подложил под себя кусок жести и заскользил вниз. Следующим был Костя, он попросил у Тимоши жесь. «Нету!» – ответил Тимош. Сначала Костя заметил у меня, потом я у него торчащие лохмотья из только что пошитых новых штанишек.

Поняв, что Тимоша намеренно привел нас к погребу, мы решили ему тоже напакостить: стали кататься на дверях погреба по очереди, а Тимоше не давали. Когда он сильно загорелся, дали и ему, якобы с большой неохотой. Уцепившись за верх двери, Тимоша стал раскачивать двери на петлях и кататься. Костя и я подошли поближе и вместе с силой толкнули дверь. Дверь закрылась и сильно прищемила Тимоше пальцы одной руки – другую он успел убрать. Пальцы тут же посинели и стали вздуваться, от боли он даже кричать не мог, только зевал, как рыба, и катался по земле. Затем вскочил и прыжками умчался домой, забыв свою жестянку. На ней, как на законном трофее, мы накатались вдоволь, скатываясь с уклона погреба. Затем убежали на Днестр.

Прощайте, сандалии

На берегу Днестра мы бережно сняли новые сандалии, чтобы не замочить их, и поставили в ряд недалеко от уреза воды. Бродили по колено в воде и ждали, когда пройдет рейсовый теплоход «Латвия», чтобы полюбоваться волнами, которые тянутся за ним. И вот уже слышна сирена далеко за излучиной реки. Сигнал давался для того, чтобы паромщик опустил на дно трос? с помощью которого паром передвигался с одного берега на другой.

Открыв рты, Костя и я ждали, когда теплоход поравняется с нами, чтобы помахать ему руками. И вот теплоход поравнялся с нами, мы машем руками, кричим, чтобы нас забрали на теплоход. На берег стали накатываться, как нам тогда казалось, большие волны. Они подхватили наши сандалии и понесли их по течению. Костя, как был в почти уже не новой одежде, прыгнул в воду спасать обувь. Подхватил сандалии, которые были на плаву, и довольный выскочил на берег. Я заплакал – мои безнадежно ушли на дно, и их унесло вниз по течению. Но каково было удивление и огорчение Кости, когда он разглядел у себя в руках один сандаля мой, другой – его. Тут я немного повеселел: значит, драть будут обоих. Одному скучно получать взбучку. Куда как веселее вдвоем, хотя «веселье» сомнительное.

Когда мы пришли домой, было так же, как и в случае с человечками из патефона и арбузами. Сначала нас выдрала мама, затем повторил позже пришедший с работы отец. Сейчас уже, в зрелом возрасте, при редких встречах вспоминаем наши детские «забавы», и как нас часто драли за это, то смеемся от души. А в то время было не до смеха.

Я помню вас!

Судьба наших сандалий чуть было не постигла меня. Где-то через месяц немного подзабылась история с новыми штанишками и сандалиями. Костя и я опять очутились на берегу Днестра, несмотря на строжайший запрет. Чем нас только не пугали: акулой, зашедшей с Черного моря в Днестр, крокодилами, удавами. Нас тянуло на берег как магнитом.

Было очень жарко, и я искупаться не мог, так как не умел плавать, и мы находились в районе парома, где были крутые берега. Костя умел плавать достаточно хорошо и пошел прыгать с ребятами в воду с парома. Наблюдая за купающимися, я сидел на берегу и изнывал от жары и зависти. Перейдя к запасной пристани для парома, решил намочить хотя бы ноги. Сунул сначала правую ногу в воду, затем хотел опустить и левую, и вдруг мне показалось, что какая-то непонятная сила потянула к себе в воду. Через несколько секунд над моей головой сомкнулась вода, и меня понесло вниз по течению. Глаза мои были еще открыты. Глядя вверх, я видел радужные, завораживающие россыпи оранжевых огней. Последние мои мысли как бы убаюкивая меня, говорили: «Не бойся, умирать не страшно!» Я потерял сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.